

## VIII. В поисках себя

**Павел I.** “Блистательный” XVIII век России  
**Неподъемное** окончился со смертью императрицы Екатерины  
**наследство** II в 1796 году. Дочь правителя крошечного  
Цербстского княжества и Голштейн-  
Готторпской принцессы, прихотью судьбы ставшая матушкой-  
императрицей, самым достойным образом завершила дело, начатое  
Петром: Россия стала великой европейской державой, решила  
проблему обладания Северным Причерноморьем, укрепления на  
Кубани, между Днестром и Бугом<sup>75</sup>, а когда-то прорубленное на  
Северо-Западе “окно в Европу” превратилось в центр политической  
и культурной жизни страны. Оставив после грома Французской  
революции свои либеральные попытки “улучшить народное  
состояние”, императрица обнаружила, что гигантская и  
малопонятная страна худо-бедно в состоянии не только кормить  
саму себя, но и содержать первую в мире армию, строить дворцы,  
давать деньги на массовую скупку в Европе к тому времени уже  
весьма недешевых полотен мастеров Возрождения и обеспечивать  
высшей дворянской аристократии (численностью не более 15% от  
всего дворянства) уровень жизни и достатка, вызывающий  
восхищение и зависть у европейских “коллег”. Годы правления  
Екатерины вошли в число тех немногих периодов нашей истории,  
которыми русские люди могли гордиться не *a posteriori*, а наяву,  
которые не были омрачены подспудными желаниями “сравняться”,  
“догнать”, “войти в число” и т.д. Разумеется, гордиться могли лишь  
те, кто обладал маломальской свободой и хотя бы минимумом прав.  
Долей большинства – во всяком случае, большинства населения  
европейской части России – оставался подневольный труд на грани  
выживания, избавлением от которого была лишь, увы, скорая  
смерть<sup>76</sup>. Мало кто сейчас помнит о том, что уделом русских солдат-  
рекрутов, чьей кровью и потом политы все без исключения  
приобретенные страной земли, а также поля брани в дальних  
европейских и средиземноморских пределах, была *пожизненная*

---

<sup>75</sup>Нынешняя Одесская область

<sup>76</sup>Даже в не знавшей крепостного права Вологде в 1798 году продолжительность предстоящей жизни составляла для 34.3 лет для женщин и 31.6 лет мужчин. Число жителей старше 40 лет состояло 24.5%, старше 60 лет – 6.8%. При этом в число “жителей” не входят младенцы, умирающие в возрасте до года, – а доля таких достигала 50% от всех новорожденных [69].

казарменная служба<sup>77</sup>. Лишь в 1793 году государство подарило своим “чудо-богатырям” 25-летний срок службы – до конца которого, по понятным причинам, также мало кто доживал.

На чудовищную, нечеловеческую несправедливость, на которой, увы, зиждилось величие России в XVIII веке, внимание обращали многие, однако для большинства современников она была в порядке вещей, в лучшем случае представляясь неизбежным злом. Напрасно Екатерина пребывала в шоке от выхода в свет радищевского “Путешествия из Петербурга в Москву” – “опаснейшую”, по ее мнению, книгу мало кто заметил. Однако если оставить моральные аспекты “екатерининского чуда”, то в конце XVIII века стало ясно: темп развития страны замедляется, стратегический потенциал не растет, империя больше не может развиваться путем экстенсивного расширения подконтрольной территории, а для обустройства уже имеющихся земель катастрофически не хватает ресурсов – материальных и людских.

Страна, обладавшая крупнейшей в мире территорией и контролировавшая ключевые транспортные коммуникации своего времени, в контексте современного ей исторического фона не без оснований претендовавшая если не на мировое, то уж по крайней мере на всеевропейское лидерство, на рубеже нового XIX века оказалась на распутье. Государственная конструкция, столь тщательно и планомерно, где по расчету, а где по чистой интуиции выстраивавшаяся Екатериной, не имела объяснимой внутренней логики и не была устойчивой. Сомнения создательницы по поводу будущего своего детища сполна проявились и в той неопределенности, которую императрица оставила в вопросе престолонаследия. Эмоционально она желала передать престол не сыну Павлу, который всегда оставался для нее, матери, чуждым и опасным человеком, а горячо любимому внуку, цесаревичу Александру, – однако увлечение последнего либеральными идеями вкупе с плохо скрываемым неприятием безрассудства позднефеодального режима заставляли императрицу медлить с обнаружением соответствующего указа. Царедворцы прекрасно уловили эту нерешительность, и, едва императрицу сразил инсульт, ее наиболее доверенные лица граф Зубов и канцлер Безбородко, в которых Павел, помня о трагической судьбе отца, не без оснований должен был видеть своих тюремщиков и убийц, привозят его в Зимний дворец, и за спиной умирающей матери знакомят с проектом

---

<sup>77</sup>В отличие от казаков, которые в промежутках между периодическими мобилизациями имели дом, вольное хозяйство и собственность.

указа о передаче престола Александру, указывая между делом на пылающий камин, в пламени которого последняя и несостоявшаяся воля императрицы превращается в прах...

Павел I принял власть над страной, которую не понимал, боялся и ненавидел. Во многом это было чисто эмоциональное неприятие всего, что оставила ему в наследство нелюбимая мать, однако будем справедливы: алогичность общественной системы, выстроенной в России в XVIII веке, более не могла не бросаться в глаза любому образованному и думающему человеку. Пытаясь устранить ее наиболее очевидные несоответствия и пороки, новый император спешит отменить указ о вольности дворянства, заставив мужскую половину правящего класса поголовно нести военную службу. Впервые в истории России официально объявляется перлюстрация частной почты: ведь у подданных, коль скоро они *служат*, не должно быть секретов от государства. Если когда-то царь Петр наказывал за патриархальные бороды, то его правнук начинает преследование французской моды, напоминающей о "вольномыслии". Не видя иных способов поддержания на плаву государственной власти и экономики, кроме всеобъемлющей регламентации и жестокого контроля, Павел I запрещает свободный выезд за границу и пытается устроить жизнь и быт правящего класса – дворянства – даже не по "военизированному" (как будет спустя 120 лет в эпоху Сталина), а непосредственно по *военному* образцу. Кумира армии Суворова за неправильное ношение шпаги отправят в отставку, казачьего атамана Платова – в северную ссылку, сквозь строй прогонят офицера (!) Генерального штаба штабс-капитана Кирпичникова, насмерть засекут кнутом казачьего полковника (!) Грузинова, кнутом же публично накажут лютеранского пастора Зайдера, осмелившегося открыть в Москве читальню (в какую вечность канули благословенные для московской немцко-протестантской общины времена царевны Софьи!). Будучи православным царем, но искренне не понимая своей страны, Павел к ужасу церкви принял сан Великого магистра Мальтийского ордена (ордена Иоанна Иерусалимского) и беспрецедентно для условий своего времени расширил контакты с Ватиканом.

**От “заграничных походов” к походу на Индию**

Обрушиваясь практически на все, что создала его нелюбимая мать, Павел, однако, во внешнеполитической сфере решил сохранить участие России в общеевропейской коалиции против революционной Франции (хотя

современники и полагали, что основной причиной тому стал захват Наполеоном “принадлежащей” русскому императору Мальты). Для максимальной концентрации сил на “антифранцузском” направлении Павел прекратил войну с Персией и заключил в 1798 году союзные договоры с Англией и даже с Турцией. Русско-австрийской коалиции предстояло вести боевые действия против французских войск в Северной Италии – по настоянию Австрии Павел отозвал из-под домашнего ареста семидесятилетнего фельдмаршала А.В.Суворова, поставив его во главе объединенных сил. Союзники – главным образом благодаря действиям на суше русских дивизий и успеху в Средиземном море эскадры вице-адмирала Ф.Ф.Ушакова, освободившего от французов Ионические острова, – в течение лета 1799 года сумели практически полностью очистить Северную Италию от “республиканской заразы”, однако по настоянию Англии, опасавшейся ставшего слишком неожиданным для всех укрепления России в европейской политике, вскоре были отозваны в Швейцарию. Знаменитый “швейцарский поход” Суворова через перевал Сен-Готард и Чертов мост едва не привел к полному разгрому обессилевшего русского корпуса (Суворов сравнивал безнадежность своего положения в Альпах с ситуацией Петра I в Прутском походе) – и лишь благодаря блестящему бою, данному командиром русского арьергарда генералом А.Г.Розенбергом, разгромившим в Муттенской долине войска французского генерала А.Массена, – к тому времени не скрывавшего своего желания захватить Суворова в плен<sup>78</sup>, – успех итальянской кампании не был смазан. Несмотря на то, что находившиеся на революционном подъеме французы располагали в 4 раза большими силами, фортуна, словно по привычке, вновь улыбнулась “чудобогатырям”. Примечательно, что в Муттенском бою будущий маршал Франции сам чуть было не угодил в русский плен: унтер-офицер И.Махотин сумел в сутолоке боя приблизиться к французскому генералу и сорвать с него эполет.

Кампания 1799 года, предпринятая Павлом I против республиканской Франции, не принесла России никаких результатов, приобретений или привилегий – лишь восторженное восхищение европейцев мужеством и стойкостью русского солдата, памятные монументы на острове Корфу, у Сен-Готарда и символическое присвоение Суворову чина генералиссимуса.

---

<sup>78</sup>Незадолго до этого Массена добился впечатляющего успеха, разбив под Цюрихом русско-австрийский корпус под командованием генералов А.М. Римского-Корсакова и Ф.Хотце.

Союзные отношения с Австрией и Англией не продержались и двух лет: в апреле 1800 года Павел отозвал послов из Вены и Лондона. Наполеон же, наголову разгромивший австрийцев в битве при Маренго 14 июня 1800 года и вернувший все потери, понесенные годом ранее от русско-австрийских войск в Италии, неожиданно превратился в союзника России<sup>79</sup>. После почти четырех лет ссылки в Костроме и трех месяцев заточения в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости Павел даровал свободу другому своему знаменитому узнику – казачьему атаману М.И.Платову, возложил на него крест командора Мальтийского ордена и 27 февраля 1801 года во главе 23-тысячного казачьего войска отправил в поход на завоевание британской Индии. Казаки выступили, не имея ни карт, ни даже приблизительного маршрута похода, на их вооружении имелось всего лишь 12 пушек.

Безрассудство внешней политики Павла вкупе с растущими ограничениями прав и состояний всех сословий, не исключая и правящий класс, не оставляли императору шансов на завершение его многочисленных начинаний, непонятных и чуждых. Если в эпоху Петра I сумма тягот и ограничений личных прав абсолютно во всех сословиях – от крепостного крестьянина до сиятельного князя – воспринималась как нечто должное и нисколько не побуждавшее к сопротивлению, то через 80 лет она станет считаться недопустимой. В ночь на с 11 на 12 марта 1801 года в России состоится первое открытое цареубийство<sup>80</sup> – опираясь на консолидированную волю большей части дворянства, заговорщики во главе со столичным генерал-губернатором графом П.А.фон дер Паленом устранят ненавистного императора. Под вздох облегчения всей страны на престол, омытый кровью деда и отца, взойдет император Александр, а отправленные в бессмысленный “индийский поход” казаки Платова из-под Оренбурга вернутся в родные станицы.

## **Император “этой” страны**

С этого момента в России надолго – как минимум на полвека – прекратятся споры о том или ином ее "высоком предназначении", ибо предназначение будет одно:

<sup>79</sup>Инициатором сближения выступил Наполеон, распорядившийся, в частности, отправить на родину семь тысяч русских пленных, снабдив их новым обмундированием и щедрым дорожным довольствием.

<sup>80</sup>Предваривший судьбу своего сына, император Петр III был убит 8 дней спустя после свержения и отречения от престола, а провозглашенный императором в годовалом возрасте Иоанн VI Антонович – спустя 23 года после последовательного свержения своих престололюбителей, Бирона и Анны Леопольдовны.

удовлетворение потребностей и обеспечение прав правящего класса. Все грандиозные реформы, которые вынашивал в свое время цесаревич Александр, – вплоть до введения в России "свободной конституции" – ограничатся чисто номинальным "Указом о вольных хлебопашцах", регламентирующим процедуру *добровольного* освобождения неким идеальным помещиком-филантропом собственных крепостных.

Императрица Екатерина оставила много загадок, объясняющих успех своего царствования. Одной из них было поддержание на достаточно высоком уровне акматического идеала народа (прежде всего дворянства и армии) путем ведения длительных, изнуряющих, но богатых яркими событиями и в конечном счете успешных войн. Короткое царствование Павла I было все той же реакцией на снижающуюся энергетичность вверенного ему народа, но только основанной не на привычном и милом сердцу "раздвижении границ", а на бескомпромиссной убежденности в силе указа и кнута. Однако за кажущейся бессмысленностью большинства павловских новаций уже проступает нечто большее, а именно *вопиющая, самоубийственная обреченность*. Павел, с молодых ногтей изощривший свой ум в критике и отрицании деяний ненавидимой им матери, так и не сумел найти адекватного по содержанию и масштабам пространства для осуществления собственных замыслов и приложения народных сил. Не находившая выхода энергия монарших замыслов выплескивалась в самоубийственные решения и поступки, вроде конфронтации с Англией, главным в то время покупателем российской продукции на внешнем рынке, или в планомерное истребление симпатий, сочувствия и поддержки во всех без исключения общественных группах и слоях. Трагическая судьба на русском престоле императора Павла – пожалуй, первый в истории России Нового времени пример антисистемы, возникновение которой было обусловлено сочетанием межличностных коллизий на фоне погружающегося в кризис социума, лишившегося разумных и органичных своей сущности целей и идей.

При всей своей непохожести на отца, император Александр по-прежнему оставался рабом невозможности что-то предпринять и изменить – с той лишь разницей, что, остро чувствуя ту легкость, с которой ему могут напомнить о судьбе несчастного родителя, он постарался максимально снять прессинг с элиты. Однако в результате император очень скоро обнаружил, что ход реальной политики своей страны определяется не его волей, а

хитросплетением самодостаточных интересов высшей бюрократии и крупнейших собственников. Так, уже упоминавшаяся нами зависимость почти всей валютоемкой внешней торговли России от английского рынка лучше и сильнее любых стратегических замыслов самодержца переориентировала Российскую империю на союз с Англией и участие в антифранцузских коалициях. Начавшееся в последние месяцы царствования Павла I сближение с Наполеоном было решительно прекращено.

Не препятствуя реализации, казалось бы, вполне разумных финансово-экономических интересов высшей элиты, Александр предпринимает попытку навести хотя бы относительный порядок на "региональном уровне". Со времен Екатерины губернаторы имели огромную и практически бесконтрольную власть на вверенных территориях. В большинстве губерний процветали взяточничество, круговая порука, в любых начинаниях, приносящих доход, местная власть претендовала на дань или долю, законы применялись по усмотрению начальства, права собственности и ее неприкосновенность беспардонно нарушались. Не соблюдались даже законы, гарантирующие крепостным крестьянам – подданным самого Царя – саму жизнь и минимальные человеческие права. Александр I отменил пытки в системе государственного дознания и судопроизводства – но поскольку “дела” крепостных разбирались непосредственно помещиками, многие из них, нисколько не нарушая закона, в полной мере удовлетворяли на “бессловесных тварях” свои садистские наклонности. Законодательные новации высшей власти на местах работали плохо или не исполнялись вовсе. Серия ревизий, предпринятых по инициативе императора против наиболее зарвавшихся губернаторов (дела калужского губернатора Лопухина, курского губернатора Протасова, сибирского генерал-губернатора Пестеля и других), завершилась практически ничем. Воли изменить сложившийся порядок не находилось ни наверху, ни внизу.

Даже в военно-политической сфере, где за последний век Россия привыкла если и не доминировать, то уж, по крайней мере, демонстрировать силу и достоинство, ее участие в коалиции против Наполеона теперь было отмечено печатью обреченности и неудач. Несмотря на щедрые английские займы и успех Нельсона, разгромившего в знаменитой морской битве под Трафальгаром (21 октября 1805 г.) объединенный франко-испанский флот, несмотря на дополнительное рекрутирование в армию 600 тысяч крестьянских парней, Россия пусть не без доблести и достоинства, но в военном плане начисто проиграла две антифранцузские кампании 1805 и

1806–1807 гг. Непревзойденную характеристику губительной бессмысленности Аустерлицкой битвы, состоявшейся 2 декабря 1805 года, можно найти у Л.Н.Толстого в коротком описании атаки, свидетелем которой стал Николай Ростов: “Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было слышать потом, что из всей этой массы огромных красавцев-людей, из всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей-юношей, офицеров и юнкеров, проскакавших мимо его, после атаки осталось только оснадцать человек” [70]. Современники горько замечали, что если в столь же бессмысленных для России альпийских походах Суворова пала первая, лучшая половина армии, под Аустерлицем - вторая, то в сражении у Фридланда (14 июня 1807 г.), предшествовавшего малочетному Тильзитскому миру с Наполеоном в июле 1807 года, армия лишилась “всего остального”<sup>81</sup>.

В 1806 году, вступая во вторую коалицию против Наполеона, Александр I решил не ограничиться только отправкой войск, а специальным решением Святейшего синода определил французского императора “предтечей антихриста” и провозгласил борьбу с ним религиозным подвигом. Затем произошло нечто фантазмагоричное: во время “Тильзитского свидания” двух императоров на “антихриста” руками православного царя была возложена лента Андрея Первозванного, а сам царь получил из его рук орден Почетного легиона. Синод был вынужден распорядиться свернуть проповеди против “антихриста”, возобновив их лишь летом 1812 года<sup>82</sup>.

Предусмотренное условиями Тильзитского мира объявление Россией войны Англии самым сильнейшим образом подорвало финансы страны. Из-за обвального сокращения притока валюты

---

<sup>81</sup>Одной из потерь России по Тильзитскому миру была адриатическая бухта Боккоди-Каттаро, ранее занятая эскадрой вице-адмирала Д.Н.Сенявина при восторженной поддержке восставшего черногорского населения. На тот момент местность Каттаро решением верховного правителя Черногории митрополита П.Негоша была уже провозглашена частью Российской империи. К чести Наполеона, в Тильзите он не был заинтересован в унижении России и великодушно передал Александру отобранную у его вчерашнего союзника по антинаполеоновской коалиции, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, польскую Белостокскую область.

<sup>82</sup>Здесь в очередной раз произошел конфуз, наглядно демонстрирующий, сколь далеко находилось синодальное начальство от духовной жизни народа: в массах верующих стало быстро набирать силу мнение, что коль скоро вторгшийся в Россию Наполеон был антихристом, то сопротивление ему, по святым книгам, и вовсе не должно было оказываться: “так как ведь антихристу именно и предсказана полная победа и затем тысячелетнее благополучное царствование” с окончательным низвержением в 2812 году [71].

курс рубля упал в 2.5 раза, и если бы не принявшие массовый характер контрабандные морские перевозки русских товаров через Финский залив в союзную бриттам Швецию, а также ввоз английской продукции на судах под американским флагом, экономические последствия для России "континентальной блокады" были бы, несомненно, еще более тяжелыми.

Вынужденно сделавшись союзником "императора Запада" – Наполеона, – император Александр начинает быстро терять возможность влиять на то, что еще поддается управлению и контролю. Так, получив по условиям Тильзитского мира права на Молдавию и Валахию, русский император не может добиться согласия диктатора Европы на такую малость, как передачу России Бессарабии союзной ему Османской империей. Из-за интриг своего нового союзника Россия надолго (по самый 1812 год) увязнет в войне с Турцией (уже седьмой по счету), и лишь благодаря полководческим талантам Н.М.Каменского и его преемника М.И.Кутузова<sup>83</sup>, по Бухарестскому мирному договору от 11 июня 1812 года – подписанному ровно за день (!) до вторжения Наполеона в Россию, – Бессарабия наконец-то войдет в состав Российской империи. В 1804 году, когда Россия еще в одном лагере с Англией готовилась к борьбе с Наполеоном, не без участия британской дипломатии была спровоцирована изнурительная война с Персией, тянувшаяся с переменным успехом целых девять лет. Лишь в октябре 1813 года Россия сможет добиться согласия Персии на вхождение в свой состав Дагестана, Имеретии, Мингрелии и Абхазии, Карабахского, Бакинского, Дербентского и ряда других закавказских ханств<sup>84</sup>. Пожалуй, единственным реальным достижением Александра I, произошедшим от союза с Наполеоном, стало присоединение Финляндии – хотя трудно сказать, каким был бы исход этой русско-шведской войны 1808–1809 гг., не предприни два русских корпуса под командованием М.Б.Баркляя-де-Толли и П.И.Багратиона беспримерного перехода на шведский берег по 40-верстному льду Ботнического залива, по колено затопленного ледяной водой!

---

<sup>83</sup>В седьмой русско-турецкой войне 1806–1812 гг. граф Каменский прославился ведением действий против турецких сил в их глубоком тылу на Балканах, главным успехом Кутузова стал полный разгром армии визиря под Слободзеей в октябре 1811 года.

<sup>84</sup>Гюлистанский мирный трактат, заключенный в 1813 году, вскоре был дезавуирован персидской стороной, не пожелавшей смириться с потерей северного Азербайджана. Окончательно трактат был признан Персией лишь по соглашению, подписанному с шахом миссией генерала А.П.Ермолова 7 августа 1818 года.

Не смог российский император реализовать и вполне реальный в 1810–1811 гг. замысел дерзко переиграть Наполеона, ударив по его тылам в Восточной и Центральной Европе, – "пятой колонной" стал находившийся на русской службе 50-тысячный польский корпус, прельщенный к месту и ко времени сделанным Бонапартом заявлением о намерении воссоздать "независимое польское государство" на базе вассального Франции Герцогства Варшавского, созданного на отобранных у Пруссии в 1807 году польских землях. Обреченность практически всех инициатив и губительные последствия большей части начинаний развивают в Александре I тягу к мистицизму – пожалуй, впервые со времен Иоанна Грозного проявлявшегося в столь выраженных формах. В государственный лексикон вместо четко обозначенных целей и общепринятых определений вдруг стали врываться формулировки о "слове жизни" и "гении зла", "провидении", "вышнем глаголе" и т.п., больше подходящие для апологии неудач, нежели для констатации достижений и побед. Похоже, что даже истоки столь распространенного в наши дни выражения *"эта страна"* восходят ко временам императора Александра, любившего, по воспоминаниям современников, повторять: *"У вас в России это невозможно"*.

### **1812 год: борьба за честь или защита земли?**

Вторжение Наполеона в Россию, произошедшее 12 июня 1812 года, явилось финальным актом десятилетия правления императора Александра, в течение которого немногочисленные локальные успехи и территориальные приобретения не успевали компенсировать последствия стратегических неудач во внешнеполитических делах и застоя во внутригосударственной жизни. Над Россией – впервые после монгольского нашествия – нависла абсолютно реальная угроза полного разгрома и ликвидации как суверенного государства<sup>85</sup>. Переправляясь через пограничный Неман, Наполеон располагал невиданной по тем временам совокупной военной силой в 600 тысяч человек; Россия же могла выставить против него только 200 тысяч солдат и офицеров. Лишь к концу лета русская армия усилилась народным ополчением численностью в 320 тысяч человек, однако,

---

<sup>85</sup>Во времена венчавшей Смутное время польской интервенции 1610–1612 гг. вопрос о лишении России государственной самостоятельности не ставился, во главе страны лишь должен был стать польский царевич.

учитывая его плохое вооружение и недостаточную подготовку, силы по-прежнему оставались неравными.

На протяжении двух летних месяцев не встречая практически никакого сопротивления, “Великая армия” стремительно продвигалась в направлении Москвы. Надо сказать, что отступление русских армий стало неожиданностью для Наполеона, рассчитывавшего, разгромив их в серии локальных сражений, без спешки оккупировать западные русские губернии с тем, чтобы в 1813 году взять Москву и затем спокойно завершить войну вступлением в Санкт-Петербург. Тем не менее Наполеон, обладая бесспорным стратегическим превосходством, считал себя готовым к развитию ситуации по любому плану.

Поскольку ход Отечественной войны 1812 года изучен и освещен более чем основательно, не будем перегружать нашу книгу перечислением хорошо известных событий и имен. Никто не может оспорить полководческий гений французского императора, равно как и тщательную проработку им всех аспектов и мелочей оккупации русской территории. Достаточно сказать, что французские войска, не желая ослаблять свои тылы, вели себя с местным населением максимально корректно и искренне не могли понять, почему крестьяне, жители городов и даже часть помещиков при их появлении добровольно поджигали собственные дома и усадьбы и уничтожали имущество, отбирать которое у них никто не собирался<sup>86</sup>. Единственным, чего не смог предвидеть Наполеон, стала трансформация войны из привычной для его маршалов европейской кампании, ведомой профессиональными военными, в общенациональную, народную борьбу. Вторым неприятным открытием стало то, что, в отличие от покоренных европейских стран, непривилегированные сословия нисколько не изъявляли желания становиться опорой его правления<sup>87</sup>: неприятие “двунадесяти языков” как таковых в России оказалось сильнее социально-экономической выгоды и классового реванша.

Если не ограничиваться духовно-религиозной сферой, то одной из ведущих причин массового народного подъема на борьбу с завоевателями стало осознание угрозы главному жизненному

---

<sup>86</sup>Следует отметить, что “корректность” французской администрации на оккупированных территориях после непрекращавшихся поджогов и диверсий со стороны местного населения вскоре сменилась достаточно жесткой репрессивной политикой.

<sup>87</sup>Так, захватив в 1806–1807 гг. Пруссию, Наполеон ликвидировал в ней крепостное право [72].

ресурсу подавляющей части населения России начала XIX века – земле. Как и в XVII веке, экономика продолжала опираться на экстенсивную эксплуатацию земельного ресурса, так и не выработав иных способов получения необходимого продукта и роста общественного богатства. Большинство населения оказавшихся под ударом Наполеона западных губерний России составляли крепостные крестьяне, не располагавшие никакой земельной собственностью за исключением прав пользования крошечными наделами. Тем не менее смена привычного, прочно вошедшего в этнический поведенческий стереотип способа эксплуатации на некую иную систему отношений воспринималась как разрушение привычного образа жизни, в центре которого традиционно находилась земля и который сверхконсервативностью государства в “крестьянском” вопросе был приведен к состоянию относительного, пусть и ущербного, но равновесия. Отсюда посягательство на землю становилось посягательством на саму жизнь, за которую надлежало бороться со всей яростью и страстью.

Общественное мнение с нарастающей силой требовало генерального сражения, а тактика М.Б.Баркляя-де-Толли, намеревавшегося максимально ослабить неприятеля в арьергардных боях, воспринималась чуть ли не как предательство. После того как под Смоленском “немец” Барклай осознанно уклонился от активно навязываемого Наполеоном генерального сражения, его дни в должности главнокомандующего русскими силами были сочтены. Барклай был смещен, на его место заступил любимец армии М.И.Кутузов – невзирая на то, что после Аустерлицкого разгрома император сильно недолюбливал 67-летнего генерал-фельдмаршала.

Гениальность Кутузова во главе русских армий в 1812 году состояла в том, что безусловно грамотные и взвешенные действия по военному управлению опирались у него на следование точно уловленным настроениям и воле вверенных ему войск. Как профессиональный военачальник, Кутузов прекрасно понимал невыгодность генерального сражения в районе Можайска у деревни Бородино – однако, наблюдая в войсках и в обществе решительный настрой на принципиальный смертельный поединок, не стал ему препятствовать.

И 26 августа генеральное сражение наконец-то состоялось. С французской стороны в Москворецкой битве (так она именуется во французских источниках) участвовало 134 тысячи человек, численность русских войск достигала 157 тысяч при определенном превосходстве в артиллерии: 624 орудия против 587 у французов

[73]. Сражение длилось десять часов и завершилось тактическим отходом русских войск приблизительно на 1 километр. Со стороны Наполеона управление сражением состояло, главным образом, в назначении очередных атак, в то время как сутью управления русскими частями стало их взаимное прикрытие и организованный отход на запасные позиции: войска настолько мужественно и самоотреченно дрались на обозначенных им рубежах, что не имелось никакой необходимости управлять их оборонительными порядками. Захватив в ходе ожесточенных дневных штурмов центральные позиции (батарея Раевского) и левый фланг (Багратионовы флеши), к вечеру из-за угрозы контратак французы были вынуждены их оставить. Сразу же по завершении битвы русский штаб склонялся к навязыванию противнику нового сражения: однако, когда на “другой день стали, одно за другим, приходить известия о потерях неслыханных, о потере половины армии... новое сражение оказалось физически невозможным” [74]. Действительно, потери противников были примерно паритетными и составляли от 40 до 50 тысяч человек. Обе армии были обескровлены, и отныне ход войны определялся не сколько талантами полководцев, сколько банальными вопросами пополнения резервов, снабжения и транспорта. Русская армия быстро оправлялась от потерь, подтягивая резервы с многочисленных отдаленных гарнизонов. Наполеон был лишен подобной возможности, к тому же невосполнимой потерей для него стала гибель под Бородино практически всей конницы.

Армия Наполеона вступила в Москву 2 сентября и оставила первую русскую столицу по прошествии уже 35 дней. “Император Запада” трижды предлагал Александру мир на почетных условиях, однако безрезультатно. Наполеон планировал отойти к западной границе, где, отдохнув и пополнившись резервами, его войска получали возможность если не повторить московский поход, то своими действиями на более привычном восточно-европейском театре добиться от России необходимых политических уступок. Пытаясь пробиться к уходящему на Варшаву Калужскому тракту, Наполеон в ходе ожесточенного сражения 12 октября смог овладеть Малоярославцем, однако подход крупных русских сил заставил его отступить по разоренной Смоленской дороге. Отступление стало адом для “Великой армии”: если из Москвы вышли 107 тысяч человек, то под Смоленском (учитывая сумевшее подойти пополнение) под французскими знаменами оставалось лишь 60 тысяч. В середине ноября, с трудом избежав окружения под

Березиной, Наполеон бросил армию и инкогнито, практически без сопровождения, отбыл в Париж. Относительно организованно смогли покинуть пределы России не более 1 тысячи его солдат и офицеров. Около 30 тысяч, став дезертирами, пробивались на родину поодиночке.

## **Европейский провал**

Блестящее завершение Отечественной войны 1812 года дало возможность руководству России с новой энергией устремиться в “европейские дела”, столь неудачно складывавшиеся для страны на протяжении последней четверти века. Единственным человеком, позволившим себе усомниться в правильности подобного выбора, оказался тяжело больной Кутузов. За день до своей смерти в силезском городке Буцлау 27 апреля 1813 года, на просьбу посетившего его Александра I “простить” князь Кутузов ответил: “Я прощаю, государь, но Россия вам этого никогда не простит”. Народный фельдмаршал был прав: заграничная кампания 1813 года стала складываться для России и вступившей с нею в союз Пруссии крайне неудачно: во главе новой, свежей армии Наполеон смог нанести союзникам болезненные поражения при Лютцене, Бауцене и Дрездене. В который раз акматические амбиции правящей консорции щедро оплачивались потоками русской крови<sup>88</sup>. Несмотря на то, что к осени русско-прусская коалиция к осени пополнилась австрийцами и шведами, кампания имела все шансы завершиться для нее грандиозным разгромом в “битве народов” под Лейпцигом 16–18 октября<sup>89</sup> 1813 года – если бы не предательство саксонских частей, сражавшихся под знаменами Наполеона и в решающий момент битвы перешедших на сторону противника. Неважно, было ли предательство саксонцев несказанной “военной удачей” союзников или частью антинаполеоновского заговора, но именно оно, отобрав у Наполеона абсолютно реальный шанс на паритетный исход Лейпцигской битвы, обеспечило Александру I неожиданный и ошеломляющий успех на европейском поприще. Знаменитое

---

<sup>88</sup>Под Лютценом потери союзников (данные Тарле) составили 20 тысяч, под Бауценом 30 тысяч, под Дрезденом – 25 тысяч. Учитывая, что союзные войска на  $\frac{2}{3}$  состояли из русских частей, русские потери только в проигранных сражениях заграничного похода 1813 года превысили потери на поле Бородина. В трехдневной “битве народов” под Лейпцигом потери антинаполеоновской коалиции составили 60 тысяч, из которых около половины пришлось на русские войска. Только непосредственно на поле сражения осталось более 22 тысяч русских захоронений.

<sup>89</sup>Новый стиль

вступление русской армии в Париж 31 марта 1814 года<sup>90</sup>, помимо законного триумфа русского оружия, давало и иллюзию правильности как проводимой политики, так и самого способа существования и устройства российского общества<sup>91</sup>.

Преодоление этой иллюзии оказалось делом куда более долгим и мучительным, нежели борьба с “зарвавшимся корсиканцем”. Уже на Венском конгрессе 1814–1815 гг., посвященном “постнаполеоновскому” устройству Европы, весьма умеренное требование Александра I о присоединении Герцогства Варшавского едва не стало поводом к новой войне, где против России должны были соединенно выступить Австрия, Англия, Франция, Нидерланды, южно-германские княжества, Швеция и Турция<sup>92</sup>. Как видим, даже минимальное упрочение России в Восточной Европе представлялось для вчерашних союзников категорически неприемлемым. Еще раз убедиться в этом позволил Александру некто иной, как сам Наполеон, который после своего побега с Эльбы и триумфального возвращения в Париж в марте 1815 года не без удовольствия переслал в Санкт-Петербург текст обнаруженной во дворце Тюильри секретной конвенции о новом союзе против России. Увы, император Александр не оценил этого благородного и примирительного жеста и поспешил вступить в очередную европейскую коалицию против Наполеона, послав войска на битву под Ватерлоо (армия Барклая-де-Толли выдвинулась, но так и не успела принять участия в сражении). Варшавские земли были в конце концов отданы Александру<sup>93</sup>, однако это не означало признание России равной в клубе равных. Социально-

---

<sup>90</sup>Новый стиль

<sup>91</sup>Но даже иллюзия эта была относительной. В расквартированных в Париже русских частях специальным указанием были максимально ограничены увольнительные не только для нижних чинов, но даже и для офицеров. Император опасался, что строевые армейские офицеры, в своем большинстве представленные бедным безземельным дворянством, “испортят” тот имидж, которым пользовалась у союзников аристократическая верхушка русской армии. Что касается нижних чинов, то, несмотря на казарменное положение, не менее 5 тысяч из них тем или иным способом смогли обрести на французской земле новую родину.

<sup>92</sup>Соответствующий антироссийский пакт был заключен 3 января 1815 г. по новому стилю.

<sup>93</sup>Надо сказать, что потоков русской крови, пролитой в борьбе с Наполеоном собственно на территории зарубежной Европы, оказалось недостаточно для решения “варшавской проблемы”: в обмен на нее Александр уступил Австрии претензии на древнерусскую Галицию. Царство же Польское, уже в ноябре 1815 года получив от России конституционное устройство, до самого восстановления независимости в 1917 году оставалось фрондирующей автономией с минимумом государственных обязанностей. Всякую войну, в которую втягивалась Россия, в Варшаве встречали с нескрываемой радостью в надежде на ослабление метрополии.

экономические различия между Россией и западноевропейскими государствами были к тому времени уже столь велики и труднопреодолимы, что наиболее рациональной политикой для последних становилось грамотное использование русского акматизма, опиравшегося на казавшиеся безмерными ресурсы, в интересах собственной политики.

Александр I, вполне сознавая ущербность участия России в европейской политике на универсальных правах, уравнивавших его гигантскую империю с крохотными германскими княжествами, стремился отыскать для России более адекватный статус. По его инициативе осенью 1815 года был создан Священный союз крупнейших, или, следуя современной терминологии, великих держав, призванный сохранять вечный мир и выстраивать международную политику “на евангельских началах”. Феодальные Россия, Пруссия, Австрия и промышленно-буржуазная Англия<sup>94</sup>, вступая в союз, де-юре образовывали первое мировое правительство – Верховный тайный совет, деятельность которого сводилась к организации работы постоянной конференции послов и регулярному созыву конгрессов, посвященных различным европейским делам. Утешив самолюбие номинальным авторством идеи Священного союза, российский император немедленно угодил в ловушку всеевропейской коллегальности – будучи вынужденным в 1821 году прекратить поддержку антитурецкому и, соответственно, антимоноархическому восстанию в Греции и уволить с русской службы лидера греческих “инсургентов” А.Ипсиланти, своего вчерашнего адъютанта! Игра на стороне Турции была более чем странной в условиях открытой поддержки Стамбулом горских племен, в 1817 году восставших против присутствия России на Северном Кавказе и положивших тем самым начало Кавказской войне 1817–1859 гг.<sup>95</sup> В 1822 году, на основании решений Веронского конгресса, русский флот готовился к межконтинентальному походу в Южную Америку на подавление восстания в испанских колониях. В то же время православная Греция, отторгнутая православной Россией, получила от Англии дипломатическое признание в статусе “воюющей нации” (1823 г.), крупные денежные займы, военную помощь и поток добровольцев<sup>96</sup>.

---

<sup>94</sup>Франция присоединилась к Священному союзу позднее, в 1818 году.

<sup>95</sup>Турецкая поддержка горцев ослабла лишь после 1833 года, когда между Россией и Турцией был заключен 8-летний союзно-оборонительный Ункяр-Искелесийский договор.

<sup>96</sup>В их числе находился и знаменитый английский поэт лорд Дж.Г.Байрон, погибший в 1824 году

Россия смогла позволить себе возобновить поддержку греков лишь с воцарением императора Николая Павловича I, в 1827 году, когда в ответ на отказ султана Махмуда II предоставить Греции внутреннюю автономию соединенная русско-англо-французская эскадра показательно сожгла в Наваринской бухте турецкий флот. Однако воевать с Турцией на суше пришлось одной лишь России. К счастью, новый император, действуя без оглядки на Европу, повел наступление одновременно на Дунае и Кавказе и, добившись впечатляющих успехов (русский авангард находился в 60 км от Константинополя), окончил восьмую войну с Турцией войну выгодным для России Адрианопольским миром. По этому договору России передавалось черноморское побережье от устья Кубани до Поти, территории в низовьях Дуная и устанавливалась свобода мореплавания в черноморских проливах. Именно по Адрианопольскому миру Турция наконец-то признала независимость Греции, однако влияние России в этой стране пресеклось после убийства в 1831 году ее первого президента Ивана Антоновича Каподистрии, более 20 лет прослужившего в России и занимавшего с 1815 года должность статс-секретаря по иностранным делам<sup>97</sup>. История с Грецией, где иностранные займы оказались сильнее духовной близости и этнических симпатий, в дальнейшем будет неоднократно воспроизводиться на Балканах: ослабляя Турцию в последующих кровопролитных войнах, Россия так и не сумеет утвердить в регионе свое реальное влияние, всякий раз уступая его Австрии, Англии и даже Франции, к тому времени уже значительно умерившей державные амбиции<sup>98</sup>.

---

<sup>97</sup>Каподистрия курировал “восточные вопросы”, во главе европейского направления стоял другой статс-секретарь – барон К.В.Нессельроде, впоследствии занявший должность канцлера

<sup>98</sup>Болезненная реакция на подобного рода неудачи приводила, в свою очередь, к еще более неприятным последствиям. Так, стремление не допустить усиления Франции в Египте, объявившем (не без поддержки Парижа) войну своей метрополии Турции, привело Николая I к беспрецедентному решению оказать султану военную помощь – на защиту Стамбула были отправлены три черноморские эскадры с 30-тысячным десантом под командованием адмирала М.П.Лазарева. Египетские войска не решились на штурм Стамбула, Россия, пользуясь моментом, заключила исключительно выгодный для себя Ункяр-Искелесийский договор с Турцией, подтверждая право свободного пользования проливами и гарантии Турции закрыть их в случае войны третьих стран против России. “Ункяр-Искелесийский договор был кульминацией дипломатических успехов России на Ближнем Востоке в XIX в. Он усилил ее влияние в Османской империи, на черноморском побережье Кавказа. На Балканах Россия добилась выполнения Турцией ее обязательств в отношении Сербии” [75]. Увы, в следующей же партии английская дипломатия переиграла российского императора. Свою ближневосточную политику Николай I стоил из заведомо ложной, доставшейся в наследство от наполеоновской эпохи, предпосылки о существовании антагонистических противоречий между

Так, последовавшая в 1853 году попытка Николая I использовать “улучшившиеся” русско-турецкие отношения для установления духовного покровительства русского царя над всеми православными – подданными Османской империи – приведет к настоящей катастрофе. Понятно, что за “духовным покровительством” стояли прежде всего политические интересы<sup>99</sup>, против реализации которых категорически выступали Англия и Франция. В ответ на неуступчивость султана Россия в июне 1853 года оккупировала заданайские православные княжества, что стало поводом к очередной девятой русско-турецкой войне.

Впечатляющий разгром турецкого флота вице-адмиралом П.С.Нахимовым у мыса Синоп 19 ноября 1853 г. и декабрьские победы русского оружия под Ахалцихом и Башкадыкларом спровоцируют вступление в войну Англии и Франции. Вступление в войну Англии шокировало Николая I, всерьез полагавшегося на силу устных договоренностей об общности интересов в “турецких делах”, данных ему во время посещения Лондона летом 1844 года. В январе 1854 года соединенный флот союзников вошел в Черное море, в апреле России была официально объявлена война, а в сентябре 1854

---

Англией и Францией, и продолжал вести курс на “ограничение” Египта с его якобы профранцузской ориентацией. В результате, когда в сентябре 1840 года египетская армия во время очередного похода в Турцию была окружена турецко-англо-австрийскими войсками, ключи от Синай и Восточного Средиземноморья оказались в руках англичан. Спустя год, в 1841 году, в Лондоне будет заключена новая конвенция по проливам, которые отныне станут закрытыми для военных кораблей всех держав и по которой Россия утратит возможность военного присутствия в Средиземноморье. Аналогичным образом, только несколько медленнее, начнет сокращаться и французское присутствие в регионе: Суэцкий канал, который с начала своего строительства в 1854 году представлял собой франко-египетский проект, в 1875 году перейдет под контроль англичан. При этом, на фоне “русской угрозы”, отношения Англии и Франции уже никогда не будут антагонистическими: замещение французского влияния английским будет корректно оплачено (контрольный пакет акций Суэцкого канала приобретен у египетского правительства в зачет старых долгов в 4 млн. фунтов), после чего – уже для защиты своей законной собственности – Англия с 1882 по 1922 гг. оккупирует страну пирамид.

Ввод в эксплуатацию Суэцкого канала в 1869 году будет означать резкое обесценение транспортных преимуществ России в отношениях с Китаем, что немедленно приведет к свертыванию знаменитой кяхтинской чайной торговли. С другой стороны, утрата инициативы и влияния в Средиземноморье усилит интерес русского правительства к Дальнему Востоку.

<sup>99</sup>В записке, адресованной канцлеру Нессельроде, в ноябре 1853 года Николай I предельно четко обозначил, что альтернативой русскому влиянию может быть только усиление Великобритании, которая “сама встанет во главе освобождения европейских христиан с целью дать им затем такое устройство, чтобы условия их будущего существования шли совершенно вразрез с нашими существеннейшими интересами” [76].

года в Крыму высадился десант, вскоре осадивший Севастополь. Оборона Севастополя, продолжавшаяся 335 дней и ночей – до 8 сентября 1855 года, – вошла в число героических страниц российской военной истории. Военные действия велись и на Кавказе, где с турками блокировался Шамиль, на Балтике, в Белом море и даже на Камчатке. За исключением сдачи Севастополя, которая, к слову, прошла на редкость организованно и достойно, нигде более русские войска не терпели поражений. Тем не менее Крымская война означала полный крах всей системы европейской политики России, фундамент которой был заложен еще при Петре. Нашей стране не только не удалось сыграть на внутриевропейских противоречиях (считавшаяся союзной нам Пруссия демонстративно уклонилась от помощи, а Австрия вскоре присоединилась к англо-французскому блоку), но и пришлось убедиться в том, что между интересами России и европейских государств, даже если они территориально отдалены от последних, лежат принципиальные, подчас непреодолимые противоречия.

Парижский мирный договор 1856 года, по которому Россия возвращала Турции южную часть Бессарабии, Карс, отказывалась от “духовного покровительства” над балканскими народами и лишалась (вместе с Турцией) права держать на Черном море военный флот, означал не столько крах полуторавековой внешнеполитической доктрины, сколько признание того системного тупика, в который зашло все развитие страны. Стремление к политическому влиянию и доминированию, не обеспечивающим даже минимального эффекта в части хозяйственного и гражданского развития общества и основанным исключительно на воле “верхов” при смиренной покорности народа сносить очередные тяготы и жертвы, оказалось лишены прочной основы. России надлежало решительно переосмыслить как способ своего экономического существования, так и акматические приоритеты.

### **Кавказская альтернатива**

В череде кровопролитных и обременительных для страны войн середины XIX века особняком стоит Кавказская война 1817–1859 гг. Растянувшаяся на долгие 40 лет и давшая поражений не меньше, чем побед, она тем не менее велась осмысленно и целеустремленно. Несмотря на то, что у правительства имелась масса возможностей достойно прекратить эту войну, заключив с Шамилем почетный мир (в конце концов, борьба велась не за весь Кавказ, а лишь за юго-восточные территории Чечни

и Дагестана), несколько поколений русских военных и политиков упорно шли к поставленной цели. Смертельно опасная служба на Кавказе была не только местом “благородной ссылки”, но и желанной для многих сферой испытаний своих возможностей, приложения сил или просто бегством от рутинности годами не меняющейся повседневности.

Кавказская война высветила новый акматический идеал: Россия должна устремляться не в Европу, где все наши попытки вести сколь либо разумную коалиционную политику терпели провал за провалом, а преимущественно на Юг и Восток. На фоне сияющих солнцем кавказских вершин в контрасте мрачных ущелий вновь напомнили о себе существенные для русского человека элементы архетипа: “поиск небесного града”, стремление к обладанию и управлению пространством, мессианская посвященность. В “парах” с новыми акматическими координатами, реанимированные элементы национального подсознания формировали мощный и устойчивый психофизический заряд, в течение не одного десятилетия обеспечивавший успех упорной и планомерной колонизации Кавказа.

Покорение Кавказа имело смысл и с точки зрения экономики, хотя на первых этапах его не стоило бы переоценивать. За неимением способа оживить загнивающее феодальное хозяйство, пришлось обратиться к открытому Екатериной II принципу фискальной эксплуатации Большого имперского пространства – “с миру по нитке”. Если доходы казны, собираемые на новой, столь же нищей, как и все остальные, территории, превышают затраты на ее охрану и государственное управление, то такую территорию следует присоединить. В условиях середины XIX века “точку доходности” территории рассчитать было невозможно, ее можно было лишь интуитивно угадать. Однако по той активности, которую развивали в новых кавказских владениях империи торговцы, чиновники, промышленники, армейские подрядчики и снабженцы и даже банальные аферисты, доходов хватало. Одно лишь вытеснение с рынков Северного Кавказа и Закавказья, где проживало не менее 7 млн. человек, турецких товаров и европейской мануфактуры, для изголодавшегося по новым землям со “времен Очакова и покоренья Крыма” русского купечества являлось беспрецедентным подарком. Готовность купцов вести дела на Кавказе несмотря на постоянные грабежи, набеги и смертельный риск лучше остальных свидетельствует об исключительной экономической ценности этого региона для России. Пройдет несколько десятилетий – и на Кавказе

развернется добыча свинца<sup>100</sup>, золота, серебра, меди, заработают крупнейшие в мире Бакинские и Грозненские нефтепромыслы, которые превратят эту окраину империи в одну из узловых районов мирового хозяйства.

Помимо экономической ценности, можно говорить про военную значимость обладания Кавказом в целях обеспечения защиты южных флангов страны и поддержания должного политического баланса с Османской и Британской империями, можно, развивая тезис В.О.Ключевского, вести речь об “аграрной колонизации”, имевшей целью устранить препятствия, чинимые скотоводческими местными племенами сельскохозяйственному освоению славянским населением плодородных северокавказских равнин... Бесспорно одно: большая часть выгод от обладания Кавказом пришла значительно позже окончания военных действий. Поэтому первопричиной, исходной основой многолетней “кавказской эпопеи” было нечто иное, как естественное стремление широких слоев русского общества добиться реализации обновленного акматического идеала путем посильного приближения к нему реального бытия. В отсутствие возможностей устройства жизни по разумным началам (неважно по каким – принципам ли гражданского общества в трактовке “западников” или по славянофильской модели “истинного православного царства”) единственным способом разрядить энергетический потенциал личности становилась схватка со смертью в чужой горной стране. Альтернативными путями могли служить либо “вариант Обломова”, либо уход в революционную деятельность – у каждого из которых, впрочем, не переводились свои адепты.

### **Снова - курс на Восток!**

Уже спустя несколько десятилетий после начала активного закрепления России на Кавказе стал набирать силу новый вектор экспансии – на азиатский Восток. Подобно многим великим процессам в истории, начло ему было положено рядом, казалось бы, далеких и не связанных между собой событий.

---

<sup>100</sup>В 1853 году в Северной Осетии был открыт крупнейший на Кавказе Алагирский серебряно-свинцовый завод, сыгравший заметную роль в обеспечении русской армии боеприпасами в годы Крымской войны, с 1862 года началась промышленная эксплуатация Грозненских нефтепромыслов (с добычей от 200 тыс. тонн сырой нефти в год), со второй половины 70-х годов XIX века начинают стремительно развиваться Бакинские нефтепромыслы.

Со второй половины XVII века цинский Китай достаточно активно наращивал морскую торговлю с европейскими государствами через специально открытый для этих целей порт Гуанчжоу (Кантон), поставляя на их рынки традиционные товары своего экспорта – чай и шелк. Полностью обеспечивая себя всем необходимым, Цинская империя не нуждалась во встречном импорте европейских товаров, в результате чего в торговле постоянно увеличивался дисбаланс. На протяжении почти двухсот лет торговых отношений с Европой платежный дефицит покрывался золотом и серебром, которые приходилось доставлять из Европы. Настойчивые поиски товара, который имел бы спрос на китайском рынке и мог бы повысить рентабельность операций европейских купцов, обратили внимание англичан на опиум. В начале XVIII века они сумели наладить поставки в Китай опиума из восточной Индии; наркотический продукт имел на китайском рынке бешеный успех, однако и был запрещен к ввозу в 1729 году. Но, несмотря на запрет, контрабандная торговля с распространением опиума через местные криминальные группировки на рынок многомиллионного Китая имела ошеломляющий успех. С территории страны начался неконтролируемый отток основной валюты того времени – серебра, что в 1834 году привело к острому финансовому кризису Цинской империи. В марте 1839 года правительственный комиссар Линь Цзэ-Сюй осуществил показательную конфискацию в Гуанчжоу большой партии английского опиума – около 1 тыс. тонн, – что стало поводом к войне Англии против Китая, получившей название *Первой Опиумной*. За два года военных действий англичане захватили остров Сянган (Гонконг) и практически все юго-западное побережье на протяжении более чем 1200 километров с городами Динхай, Нинбо, Сямынь, Чжэньцзян и Шанхай, и подошли к Нанкину, где 29 августа 1842 года был заключен мирный договор. Согласно Нанкинскому договору, Китай был вынужден выплатить значительную контрибуцию, открыть для торговли с Англией пять своих портов и уступить Гонконг. Подобные же соглашения Китай был вынужден подписать в 1844 году с Соединенными Штатами и Францией. Ни по одному из этих соглашений Россия не была включена в число стран, имевших право на посещение открытых для торговли китайских портов.

Внезапный успех в Китае двух ведущих европейских держав, отношения России с которыми в ту пору не отличались особенной теплотой, сделал актуальным вопрос о безопасности восточных владений, в соответствии с Буринским трактатом 1727 года

простиравшихся в ту пору от забайкальской Кяхты по Яблоневому хребту на северо-восток – к Охотску. Простой расчет показывал, что впечатляющий путь, который англичане проделали за два года Первой опиумной войны от южно-китайского Гуанчжоу до "срединного" Шанхая, мог столь же скоро быть повторен до Маньчжурии и русской Сибири. Не желая новых резонов для осложнения отношений с Англией, русское правительство сначала попыталось уверить общественность в полнейшей безопасности английских успехов в Китае, мотивируя невозможность проникновения бриттов в Сибирь "недоступностью Амура со стороны моря". Несмотря на то что устье Амура еще не было открыто, в просвещенный XIX век тезис о "внутриконтинентальном окончании" великой дальневосточной реки представлялся более чем спорным и явно не мог служить основой для решений государственной важности. Поэтому, несмотря на чуть ли не демонстративную пассивность правительства в "восточном вопросе", в русском общественном мнении начала формироваться убедительная позиция за продолжение остановленного полтора столетия назад продвижения на Восток. Ведущую роль в ней играли не столичные "ура-патриоты", а представители уже знакомой нам сибирской этносоциальной консорции. Так, под воздействием убедительных публикаций в "Северной пчеле" Н.А.Полевого, обосновывавшего принципиальную ошибочность уступки Китаю Амура в 1727 году, император Николай I почти принял решение о снаряжении экспедиции в составе корвета "Менелай" и транспортного судна для поиска устья Амура. Во главе экспедиции предполагалось поставить главу комитета по судостроению капитана Е.В.Путятин – который спустя десять лет войдет в историю удачным заключением первого русско-японского соглашения. Однако, следуя советам выступавших против "осложнений с Китаем и Англией" министра иностранных дел К.В.Нессельроде и министра финансов Е.Ф.Канкрин, государь ограничился символической посылкой из Охотска брига прибрежного плавания "Константин" – по результатам "неоткрытия" которым устья Амура Особый комитет под председательством Нессельроде постановил признать Амурский бассейн принадлежащим Китаю и отказаться от него навсегда. Ситуацию с буквальным риском для карьеры и жизни спас другой "сибиряк"<sup>101</sup> – капитан 2 ранга Г.И.Невельской, под началом

---

<sup>101</sup>Г.И.Невельской родился в северо-костромском городе Солигаличе. Однако то неоспоримое обстоятельство, что наиболее деятельная часть сибирских

которого в навигацию 1849 года надлежало устроить регулярное зимовье на западном берегу Охотского моря. Воспользовавшись тем, что высочайше утвержденные инструкции к началу короткой охотской навигации не успели поступить в Петропавловск-Камчатский, Невельской на свой страх и риск направляет вверенный ему транспорт "Байкал" значительно южнее заданной точки, где в итоге и обнаруживает вождевленное устье великой реки. Поднявшись вверх по течению на 100 километров, Невельской за счет имущества и личного состава, предусмотренного для зимовья в западноохотском заливе Счастья, основывает военный пост Николаевск.

Установив в ходе этого плавания, что Сахалин не является полуостровом, Невельской доказал возможность достижения устья Амура как из Охотского, так и из Японского морей. Открытие мало кому известного тогда офицера произвело эффект разорвавшейся бомбы: Сибирь переставала быть "медвежьим углом", природой данным уделом для неторопливого русского "расселения", а в одно мгновение превращалась в объект возможной уже в самом скором времени колонизации со стороны энергичных европейских оппонентов.

---

первопроходцев, промышленников и купцов вышли с Русского Севера (Вологда, Кострома, Вятка, Пермь) и тот факт, что большую часть службы будущий адмирал провел на дальневосточных рубежах страны, в полной мере позволяет отнести его к русско-сибирской этносоциальной консорции.

Говоря о психологическом соответствии Невельского "сибирскому стереотипу", нельзя не заключить того же и применительно к его непосредственному начальнику – генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н.Муравьеву. Сын высокопоставленного столичного сановника, Муравьев на протяжении всей своей последующей деятельности считался "белой вороной" в кругах Санкт-Петербургской бюрократии в силу своей демократичности, аскетичного трудолюбия и желания во всех делах добиваться реальных результатов. Николай I, крайне нуждавшийся в рамках своей политики "бюрократического реформирования" в подобного рода сподвижниках, дефицит которых приходилось восполнять иностранцами (Нессельроде, Штиглиц и др.), исключительно высоко ценил своего "сибирского демократа и либерала". По совокупности своих психологических качеств Муравьев оказался полным антагонистом князя А.И.Барятинского, русского наместника на Кавказе в 1856–1862 гг., с которым ему не раз приходилось жестко схлестываться. Показательно, что сразу же после увольнения со службы в 1861 году Муравьев, не находя себе места в "играющей в либерализм" России Александра II, уезжает за границу, где безвыездно проводит последние 20 лет своей жизни – полностью преданный забвению официальными кругами, однако до самой своей смерти в 1881 году остававшийся центром притяжения русской диаспоры в Париже.

**Годы  
беспрецедентных  
удач**

Согласно всем законам службы, за самовольное изменение плана экспедиции, нецелевое использование казенных ресурсов и действия, создающие угрозу отношениям с Китаем,

Невельской подлежал военному суду и разжалованию в матросы. Именно такое наказание для уже успевшего прославиться на всю Россию капитана определил Особый комитет на своем заседании 2 января 1850 года. Однако в последний момент Николай I откажется поддержать позицию Нессельроде: неожиданно заявив, что "где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не может", император объявит о награждении первооткрывателя орденом Святого Владимира IV степени и распорядится о его производстве в капитаны 1 ранга. Невельской вновь возвращается к месту службы, а в 1853 году возглавляет экспедицию на Южный Сахалин и в Приамурье. На рубежах открытых земель устанавливаются пограничные кресты, провозглашающие их вхождение в состав Российской империи. В 1854 году "дальневосточный Колумб" был произведен в чин контр-адмирала, а с 1856 года продолжил службу в Морском министерстве в Санкт-Петербурге.

Практические результаты открытий Невельского не заставили себя ждать. В своих действиях на Дальнем Востоке Россия в одночасье совершенно преобразилась: на смену ставших традиционными медлительности и военно-дипломатической рефлексии внезапно пришли напор и натиск, на удивление легко преодолевавшие бюрократические препоны не только на местном, генерал-губернаторском, но и на столичном уровне. "Ожидаемый разрыв с западными державами, – писал впоследствии в своих воспоминаниях Невельской, – понудил генерал-губернатора <Восточной Сибири. – Авт.> прибыть в Петербург для обсуждения предположения о защите вверенного ему края. 22 апреля 1853 г. Н.Н.Муравьев имел счастье докладывать Государю Императору, что, для подкрепления Петропавловска<-Камчатского>, необходимо разрешить сплав по р.Амуру, ибо берегом нет никакой возможности доставить в Петропавловск ни продовольствия, ни оружия, ни войск. Выслушав доклад Муравьева, Государь того же 22 апреля высочайше повелеть соизволил: написать об этом Китайскому трибуналу, предложение же Муравьева о сплаве по Амуру запасов оружия, продовольствия и войск рассмотреть в Особом комитете" [77]. Летом 1854 года, лишь формально поставив китайское руководство в известность, Россия предприняла по Амуру "сплав",

позволивший доставить в Петропавловск-Камчатский невиданное для традиционного сообщения с использованием вьючной тропы из Якутска в Охотск количество вооружений, амуниции и провианта. Уже в августе того же 1854 года доставленные Амуром оружие и войска помогли успешно отразить англо-французский десант<sup>102</sup>, атаковавший Петропавловск, что, в свою очередь, не могло не повлиять на согласие Японии заключить с Россией первый, в значительной степени выгодный для нас договор о территориальном размежевании – Симодский трактат 1855 года.

Дальнейшую стратегию России на Дальнем Востоке можно уместить в одной фразе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьева: "Кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью" [78]. Россия явочным порядком возвращается к Нерчинскому договору 1689 года и занимает Забайкальскую область (нынешняя Читинская область) как базу для организации регулярных сплавов по Амуру. Создается Забайкальское казачье войско, по левому (северному) берегу Амура устраивается цепь укреплений (Амурская линия), на Амуре появляется первый пароход "Аргунь" и флотилия паровых буксиров. Поскольку "колониционные мероприятия" получают крайне скудное централизованное финансирование (в России на 1850-е годы пришелся острейший бюджетный кризис), основные средства изыскиваются из остатков собственного бюджета (!) Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, что, тем не менее, составляет не более 400–500 тыс. рублей в год, или около 0.3% государственного бюджета того времени<sup>103</sup>. Активное участие в финансовом и материальном обеспечении экспедиций, сплавов и военных укреплений на Амуре приходится принимать восточносибирскому предпринимательскому сообществу. Так, в финансировании первого амурского "сплава" решающую роль сыграл золотопромышленник Е.А.Кузнецов, а значительные вклады местных промышленников и купцов в капитал "Амурской компании" были потрачены, в основном, не столько для развития бизнеса, сколько для финансирования сметных государственных расходов, связанных с колонизацией Приамурья. С целью

---

<sup>102</sup>Операции англо-французских войск против русских баз на Дальнем Востоке были частью Восточной кампании 1853–1856 гг. англо-французской коалиции против России (Крымской войны).

<sup>103</sup>Удивительно, что своего рода положительную роль в решении финансовых проблем дальневосточной экспансии сыграли интересы коррумпированных кругов столичной бюрократии, заинтересованных в увеличении сметных расходов по линии курируемых ими ведомств.

привлечения дополнительного внимания центральных властей, основные участники "амурской эпопеи" не считали предосудительным преувеличивать свои достижения и успехи, часто поставляя "наверх" искаженные рапорты и активно используя печатное слово – благо в ту пору издатели не требовали денег с авторов публикаций. Положительным результатом такой деятельности являлось по крайней мере то, что ей не мешали.

Как видим, что поход Ермака в Сибирь, что освоение Приамурья пришлось на периоды максимальной внешнеполитической слабости центральной власти, которая была не в состоянии ни должным образом финансировать, ни управлять колонизацией. Даже численность ежегодных военно-переселенческих сплавов по Амуру была сопоставима с численностью отряда Ермака, под командой которого в знаменитом походе 1582 года находилось не более одной тысячи сабель<sup>104</sup>. На плечи региональной элиты легли не только организационная работа и финансирование, но и дипломатическое обеспечение экспансии. Так, в январе 1854 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев получил от императора полномочия верховной инстанции в сношениях с Китаем по всем вопросам, связанным с пограничным размежеванием. Китай, вновь ставший жертвой англо-французской агрессии (Вторая опиумная война 1856–1860 гг.), не мог противодействовать закреплению России в Приамурье<sup>105</sup>. Контроль над землями, которые за без малого два столетия формального вхождения по Нерчинскому договору в состав Китая так и не были заселены и мало-мальски освоены в хозяйственном отношении, в тяжелый момент китайской истории не представлялся критичным. В силу этого обстоятельства,

---

<sup>104</sup>Всего за 1855–1862 гг. в Приамурье и Приморье были переселены 16,4 тыс. забайкальских казаков и "штрафованных", или в среднем 2 тысячи человек в год [79].

<sup>105</sup>В ходе планирования Второй опиумной войны, английское командование имело намерение перенести военные действия в северные районы Китая – в том числе с целью обеспечения собственного контроля за действиями в этом регионе России. Однако вспыхнувшее в Индии восстание сипаев (1857–1858) нарушило эти планы, а к моменту высвобождения британских сил в 1858 году противодействовать России на Амуре было уже поздно.

После подавления восстания сипаев и низложения Бахадур-шаха II – последнего из номинально правивших Индией Великих Моголов – английские власти несколько лет будут заняты непосредственным включением этой страны в состав Британской империи и установления в ней прямого английского правления (на протяжении более чем двух с половиной столетий формальным основанием для присутствия англичан в Индии – не считая ограниченного числа находившихся под их прямой юрисдикцией территорий (Бенгалия, Мадрас, Майсор, Карнат, район Дели) – была деятельность Ост-Индийской компании, упраздненной в день официального включения Индии в состав Британской империи 2 августа 1858 года).

китайские пограничные власти после молчаливого наблюдения за русскими сплавами 1854–1857 гг., основанием в устье Амура города Николаевска (1850) и центра будущей Амурской области города Благовещенска (1857), пошли на переговоры. Во избежание угрозы дальнейшей экспансии России на правый (южный) берег Амура<sup>106</sup> Китай сравнительно быстро согласился на (i) закрепление за Россией левого берега от реки Аргунь до устья и (ii) временное установление режима совместного ведения землями от "реки Уссури и до моря". Эти положения приграничного размежевания были закреплены в Айгуньском договоре от 16 мая 1858 года, а в последовавшем за ним Тяньцзинском договоре от 13 июня того же года было сделано важное уточнение, согласно которому приоритет в "исследовании" уссурийских земель одной из сторон должен был служить основанием для дальнейшего закрепления их территориальной принадлежности. Учитывая самую активную "исследовательскую" деятельность русских в Восточной Сибири, последнее означало не что иное, как согласие китайских властей на фактический переход Приморья под юрисдикцию России<sup>107</sup>. При этом – удивительный и

---

<sup>106</sup>Существует точка зрения, что при заключении Айгуньских соглашений Россия чуть ли не шантажировала изможденный опиумными войнами Китай, добываясь уступки беспрецедентно огромной территории площадью более 935 тыс. квадратных километров, что составляло около 9% всей его территории. Однако это не так. В силу крайней малочисленности людских и военных ресурсов амурской колонизации, с которыми Россия в гипотетическом конфликте вряд ли могла противостоять даже пограничной маньчжурской страже, говорить о каком-либо шантаже абсолютно беспредметно. Кстати, из-за нехватки провианта и болезней большую часть военных постов в 1856 году с нижнего течения Амура пришлось эвакуировать. Китайские власти не могли не знать и о тяжелом поражении нашей страны в Крымской войне и связанной с этим невозможностью проведения на Дальнем Востоке каких-либо значительных боевых действий.

Напротив, Китаю были необходимы добрые отношения с Россией, оппонировавшей в те годы реальным агрессорам, развязавшим против него две войны, – Англии и Франции. Передавая России незаселенные земли, Китай рассчитывал если и не на союзнические отношения, то уж, во всяком случае, на добрососедство и дипломатическую поддержку в критическую минуту. И надо сказать, что в последующей истории двухсторонних отношений Россия, часто с ущербом для себя, оставалась верной этим принципам.

<sup>107</sup>Айгуньский и Тяньцзинский договоры, заключенные с Н.Н.Муравьевым с пограничными китайскими властями, первоначально вызвали сильнейшее недовольство в Пекине. Китайские власти отказались от их ратификации, а вскоре после прибытия в Пекин в середине 1859 г. российского посланника, будущего руководителя азиатского департамента МИДа, 27-летнего генерала Н.П.Игнатьева, решительно потребовали его отъезда – причем непременно "через Монголию и Кяхту", поскольку с востока к китайской столице приближались англо-французские войска. Однако привыкший к смертельному риску в ходе своих многочисленных миссий на Балканах и в Западном Туркестане, генерал-майор Игнатьев сумел через китайские позиции пробраться в расположение осаждающих Пекин войск "опиумной коалиции" и в полной мере

единственный во всей истории русской экспансии случай – присоединение Приморья произошло еще до нашего закрепления на этих землях, в качестве как бы своеобразной платы за "непродвижение" в Маньчжурию. Первые русские военные посты на приморской земле в районе оз.Ханка и в бухте Святой Ольги появились лишь в следующем 1859 году. Годом позже, 20 июня 1860 г., на военном транспорте "Маньчжур" в бухту Золотой Рог были доставлены солдаты 4-го линейного батальона во главе с прапорщиком В.Комаровым, которым выпала честь стать основателями главного русского форпоста на Дальнем Востоке и Тихом океане – крепости Владивосток. Спустя всего шесть лет после основания в устье Амура первого военного поста в новом городе Николаеве уже работали судостроительный завод, типография, гимназии и мореходное училище, а городская библиотека насчитывала 1400 томов и выписывала практически все издаваемые в России журналы.

С первого взгляда может показаться, что поразительные по глубине, масштабу и скорости осуществления успехи закрепления России на обширной и уже успевшей стать объектом стратегической конкуренции ведущих держав дальневосточной территории стали результатом случайного счастливого стечения обстоятельств, прежде всего связанных с появлением в нужном месте и в нужное время таких личностей, как Г.И.Невельской, Н.Н.Муравьев-Амурский, Н.А.Полевой, Е.В.Путятин, Н.П.Игнатъев и др. Однако не менее деятельные и энергичные плеяды возникали на других направлениях, где, тем не менее, Россия была вынуждена действовать куда осторожнее и менее результативно, расходуя к тому же несравненно большие ресурсы. Поражает другое: успех на Дальнем Востоке стал результатом волевого импульса сравнительно немногочисленной группы военных и политиков, в большинстве своем представлявших русско-сибирскую этносоциальную консорцию, не располагавшую сопоставимым с другими группами влияния экономическим или политическим потенциалом. Как представляется автору, принимая принципиальное решение о ее

---

использовать тот уникальный шанс, когда его услуги в качестве посредника высшего дипломатического ранга были одинаково востребованы и союзниками, и китайским руководством. Первые были заинтересованы в избежании потерь при штурме китайской столицы и скорейшем заключении мира, вторые – в минимально достойном прекращении Второй опиумной войны. Игнатъев блестяще сыграл роль посредника. Китайские власти кардинально изменили к нему свое отношение, в результате чего 2 ноября 1860 года был заключен Пекинский договор, на высшем государственном уровне признавший суверенитет России над левобережьем Амура и Приморьем.

поддержке, император Николай Павлович интуитивно чувствовал в их "безумных инициативах" то здоровое, самодеятельное начало, которое и он, и его отец и брат тщетно пытались найти и оживить в скованной феодальным безволием стране, обреченной, казалось бы, вечно сжигать жизненные силы и усмирять амбиции своих пассионариев в жестокой борьбе на Кавказе или в благородных кровопусканиях европейских коалиционных войн.

## **Две России**

Как видим, различия между двумя основными направлениями экспансии Российской империи в XIX веке – кавказским и восточным – были весьма заметными. В основе этих различий лежала не только географическая и политическая специфичность. Экспансия была концентрированным выражением опирающейся на мощь государственного аппарата и военной машины коллективной воли наиболее активной части общества, которая, в свою очередь, определялась его ментальными установками и представлениями о допустимых способах их достижения.

Корни "кавказской" экспансии и пришедшей ей на смену в последней трети XIX века экспансии в Среднюю Азию были связаны, в основном, с традиционной политикой "раздвижения границ", которую исповедывала основная часть традиционной русской элиты, топологически относящейся к европейской части страны. Ее политическое сознание определялось представлениями об экстенсивном росте подконтрольной податной территории как об основном механизме увеличения национального богатства. Это было проекцией в сферу геополитики психологии крупного землевладельца, знакомого с единственным действенным способом роста доходов – увеличением площади подконтрольных земель. А экономический застой, который на протяжении уже нескольких столетий царил в феодальном хозяйстве на европейской территории страны, вынуждал искать смысловое наполнение жизни в походах и поисках неизвестного. "Что ж, повернуться нам вспять, // вспять повернуть корабли, // чтобы опять испытать // древнюю скудость земли"<sup>108</sup> – эта стихотворная формула на редкость точно описывает невозможность существования традиционной русской элиты (русско-европейской консорции) в рамках привычного мира и уклада с поистине жизненной необходимостью включения активного землеискательства в свой акматический идеал.

---

<sup>108</sup>Н.Гумилев. "В пути" (1909 г.)

Однако на востоке страны, в ее сибирских владениях, уже начиная с XVIII века ставших местом формирования на самостоятельной экономической основе русско-сибирского субэтноса, мотивации расширения границ подконтрольной территории были иными. Конечно, русскую Сибирь нельзя механически противопоставлять остальной России, из популярной там теории “областничества” нисколько не следует сепаратизм; Сибирь не являлась другой, но была *иной* страной, своеобразным полигоном, на котором развитие русского общества с XVII века шло по существенно отличным законам.

Для общественно дееспособной части русско-сибирской консорции не было необходимости в конструировании акматического идеала из неясных целей, “горней мечты” и благородного риска. Наоборот, требовались новые рынки, требовались территории, располагающие свободными трудовыми ресурсами, требовались в конечном счете и сами ресурсы – ведь по уровню изученности и освоенности к середине XIX века обитаемая “южная полоса” сибирских владений империи отнюдь не представлялась сырьевым раем. Не хватало хлеба, металла, тканей, не хватало... древесины, и дрова для отопления домов в “песчаной Венеции” – Кяхте – ввозили из Монголии. Но даже ресурсный голод не был здесь определяющим фактором. Первый полноценный центр русского капитализма, расположенный в географическом центре евразийского суперконтинента, формировался в непозволительном отдалении от наиболее густонаселенных и потому представляющих интерес с точки зрения сбыта районов. Так, от европейских рынков Сибирь отделял тысячеверстный сухопутно-речной путь, преодолеваемый за год, от густонаселенного Китая – пустынная Монголия, от Кореи – маньчжурская степь. Еще задолго до завершения строительства в 1869 году Суэцкого канала, налаженные английским торговым флотом скоростные морские перевозки товаров из Китая, составлявшие по длительности не более 80–90 суток за рейс, стали резко снижать эффективность русской чайной торговли, а “англицкий” чай начал конкурировать с “сибирским” не только на рынках стран Европы, но и в самой России. Для эффективного производственного применения значительных капиталов, накопленных сибирскими купцами и промышленниками, не хватало ресурсов и, главное, рабочих рук. Русская “новая Америка”<sup>109</sup> буквально с первых же этапов своего становления

---

<sup>109</sup>“На пустынном просторе, на диком// Ты всё та, что была, и не та,// Новым ты обернулась мне ликом,// И другая волнует мечта...// Уголь стонет, и соль забелелась,// И

оказалась в состоянии стагнации. Многомиллионная “европейская Россия” делала для развития Сибири все, что было в ее силах, кроме одного: в условиях дряхлеющего столетиями экономического застоя она не могла служить ни эффективным рынком сбыта, ни сферой приложения свободных капиталов.

Социально активная часть русского общества как к западу, так и к востоку от Урала не переставала искать выход, позволивший бы вырваться за круг складывающейся безысходности. И здесь, и там наиболее короткий путь виделся в столь привычном душе русского человека землеискательстве, в активном и заинтересованном присоединении к империи, рассматриваемой скорее не как государство, а в качестве коллективного *alter ego* деятельной личности, новых и новых территорий, в их хотя бы минимальном обустройстве и обживании. Однако за кажущимся единством целей скрывались существенные различия в характере экспансии, формируемой и осуществляемой крупнейшими этносоциальными консорциями России.

Избавь Господи от вульгарных обобщений типа того, что “феодалы” европейской части России и “сибирские купцы” продуцировали различные по характеру и целям типы территориальной экспансии Российской империи в XIX веке. Безусловно, все было куда сложнее. И на Кавказе, и в Средней Азии можно проследить интересы, например, сибирских купеческих домов, а среди первопроходцев к низовьям Амура и Уссури можно без труда найти выходцев из столиц и центральных губерний, офицеров “лермонтовского призыва” и т.д. При желании и здесь, и там можно отыскать и немцев, и евреев, и даже турок (турком по матери был, в частности, В.А.Жуковский, поэт и воспитатель дочерей Николая I). Несмотря на внешнюю статичность, социально активная часть русского общества в XIX веке была подвижной и динамичной, открытой для обмена идейными образами, высокоадаптивной к меняющимся обстоятельствам. Если вертикальная (межсословная, межстратовая) мобильность в России XIX века максимально ограничивалась, то мобильность горизонтальная, связанная с выбором места жительства и службы активной и свободной части населения, была весьма высокой.

Тем не менее интенсивные обмен и взаимопроникновение различных таксономических элементов сознания и поведения двух

---

железная воеет руда...// То над степью пустой загорелась// Мне Америки новой звезда!”  
(А.Блок)

крупнейших консорций России не могли сгладить различий, обусловленных принципиально непохожими жизненными интересами и целями. Для наглядного представления различий в мотивационных основах, обеспечивавших активность в деле экспансии на новые территории в середине и во второй половине XIX века, рассмотрим таблицу, в которой сгруппированы основные элементы акматического идеала и противостоящие им элементы архетипа – отдельно для русско-европейской и русско-сибирской этносоциальных консорций.

<b>Русско-европейская консорция</b>	<b>Русско-сибирская консорция</b>
<b>I. Состав групп, наиболее активно проявлявших себя в процессе экспансии</b>	
Военные, дипломаты, чиновничество, представители “столичных” торгово-промышленных кругов, землевладельцы, купцы, мобильная часть городского населения, лично свободные крестьяне, духовенство, интеллигенция (учителя, врачи, юристы и т.д.)	Местные купцы и промышленники, военные, дипломаты, региональные представители “столичных” торгово-промышленных кругов, интеллигенция, духовенство
<b>II. Элементы акматического идеала</b>	
Величие империи	Новые рынки
Личностная самореализация	Новые сферы вложения капитала
Обретение новых сфер и объектов приложения сил, сулящих успех и достаток	Повышение устойчивости существующих жизни и бизнеса
Новые рынки	Утверждение флага империи как знака собственного присутствия на новых территориях
Обеспечение безопасности “коренной” территории	Обретение новых сфер и объектов приложения сил, сулящих успех и достаток
Новые сферы вложения капитала	
<b>III. Элементы архетипа</b>	
Мессианство	Поиск “Града Небесного” (“Белоречье” и т.д.)
Чувство пространства – страсть к обретению нового, дополнительного пространства взамен “клаустрофобической” ограниченности традиционного русского города или поместья, деревни	Чувство пространства – стремление расширить жизненный ареал, ограниченный узкой полосой плодородных земель на юге Сибири
Страх потери имеющейся территории в результате ее неэффективности и скудости жизненных возможностей	Страх потери имеющейся территории как в результате недостаточно развитых жизненных условий и производственных возможностей, так и прямого отторжения из-за недостаточной обороны
Страх неуспеха жизни, карьеры	Страх нужды и разорения
Комплексы и фобии, связанные с состязательностью с традиционными соперниками России (Османская империя, Англия, Австро-Венгерская империя и т.д.)	--

Как видим, достаточно существенные различия наблюдаются как на уровне наиболее “активных” элементов акматического пространства, так и архетипа. Различия в акматических установках приводили к неодинаковому пониманию конечных целей и задач экспансии. Так, если для экспансии русско-европейского типа были характерны, прежде всего, военно-политические установки, то в русско-сибирском варианте в ее основе преобладали экономические интересы. Соответственно целям различались и методы их достижения – так, в последнем случае они становятся более “мягкими”, “локально-домашними”, не требующими априорного апеллирования к имперской мощи привлечения военно-дипломатической машины.

Существенные различия наблюдаются и на уровне элементов архетипа, играющих ключевую роль в формировании энергетических связей с акматическими установками, или *фактора действия (facultas effectus)* – психофизического аналога заряда, позволяющего этносу или той или иной его консорции в условиях разности потенциалов акматического идеала и реального бытия совершать работу. Как представляется автору, в случае с архетипом русско-сибирской консорции его элементы были менее фаталистичны и конфликтны, в большей степени обусловлены не мифологемами, а обстоятельствами реальной жизни. Отсюда, возможно, и проистекает более плавный, с минимумом эксцессов, ход восточной колонизации в XIX веке.

Поразительно, но различия в “качестве энергии” кавказской и восточной колонизации были совершенно по-разному отражены в искусстве! Насколько не похожа холодно-утонченная кавказская поэзия Лермонтова или жестко-натурная проза Толстого на исполненные, при всем трагизме своих образов, спокойной и гордой лиричности знаменитые “Амурские волны” или вальс “Мокшанский полк на сопках Маньчжурии”, написанный участвовавшим в боях под Мукденом капельмейстером Иваном Шатровым. Однако уже канонический текст, вышедший из-под пера двоюродного дяди Николая II Великого князя Константина Романова (литературный криптоним К.Р.), несмотря на незаурядный талант, так и не стал органичен музыке:

Спит гаолян,  
Сопки покрыты мглой...  
Вот из-за туч блеснула луна,  
Могилы хранят покой.

Страшно вокруг,  
Лишь ветер на сопках рыдает,  
Порой из-за туч выплывает луна,  
Могилы солдат освещает.

Белеют кресты  
Далеких героев прекрасных.  
И прошлого тени кружатся вокруг,  
Твердят нам о жертвах напрасных.

Средь будничной тьмы,  
Житейской обыденной прозы,  
Забыть до сих пор мы не можем  
войны,  
И льются горячие слезы.

Героев тела  
Давно уж в могилах истлели,  
А мы им последний не отдали  
долг  
И “вечную память” не спели.

Так спите ж, сыны,  
Вы погибли за Русь, за Отчизну.  
Но верьте, еще мы за вас  
отомстим  
И справим кровавую тризну.

Плачет, плачет мать родная,  
Плачет молодая жена,  
Плачет вся Русь, как один человек  
Злой рок и судьбу кляня.

И по сей день, несмотря на большое число попыток приложить к знаменитому вальсу “более естественные” слова, его музыкальный образ продолжает жить собственной жизнью. Никто из больших и малых поэтов, в абсолютном своем большинстве представляющих русско-европейскую консорцию, не сумел (и теперь уже вряд ли сумеет) понять мотив скорби не сколько по погибшим воинам, сколько по несостоявшимся ожиданиям гармоничной и разумной жизни на далекой и ставшей почти родной земле... Мотив, совершенно невысказанный применительно к жертвам борьбы за Кавказ или Туркестан.

Таким образом, восточная экспансия XIX века, в отличие от продвижения России на Кавказ и в Среднюю Азию, имела существенно иное содержание, иное мотивационное наполнение, различные темп и фактуру. Однако оба потока не могли не пересекаться! И подобно тому как в местах встреч океанов или великих течений часто возникают штормы чудовищной силы, схлестывание в порыве за общей целью двух различных акматических идеалов не могло пройти бесследно.

В процессе присоединения к Российской империи дальневосточных территорий и в последующем движении через Маньчжурию к Ляодунскому полуострову, омываемому теплыми

водами незамерзающего Желтого моря, сибирско-купеческая мотивация целесообразности и соразмерности постоянно сплеталась с европейско-дворянской страстью к самоутверждению путем количественного обретения новых земель и связанных с ними военно-политических возможностей. “И чтобы снова стать достойным, // Вкусить божественной любви, // Я поднял меч к великим войнам, // Я плавал в злате и крови”, – именно этими строчками Н.Гумилева я попытался бы охарактеризовать ту страсть, которая после Кавказа и Туркестана влекла на восток лучших, честных и бескорыстно влюбленных в свою Отчизну русских людей.

Вначале эти две компоненты восточной экспансии будут достаточно гармонично дополнять друг друга. Но пройдет совсем немного времени – и в ставшей неотвратимой русско-японской схватке за контроль над богатой рабочей силой, ресурсами и рынками сбыта очередной “ничейной землей” вчерашнее конструктивное двуединство приведет не просто к трагической утрате смысла борьбы за новые территории, но и к невиданному по глубине кризису всей системы национального самосознания.